

Цена + прибыль = реформа

На собравшемся 13–16 июля 1960 года Пленуме ЦК обсуждали «Ход выполнения решений XXI съезда КПСС и развитие промышленности, транспорта, внедрение достижений науки». Докладывал не отец и даже не Косыгин, а Председатель Госплана РСФСР Константин Михайлович Герасимов. С содокладами выступили госплановцы из союзных республик.

Докладчики напирали на успехи, повторяли с разными вариациями, что выпуск промышленной продукции, при плане в 8,1 процента, за истекшие полгода вырос до 10–11 процента, заверяли, что в будущем рост еще ускорится, и в заключение отмечали отдель-

ные недостатки. По большому счету, ничего интересного, незаслуживающая упоминания бюрократическая рутина. Однако на самом деле этот Пленум весьма примечателен, но не докладом Герасимова, а казавшимся тогда рядовым поручением Госэкономсовету СССР «разработать методические основы установления новых оптовых цен на орудия и средства производства», их еще называли «ценами единого уровня». Для рядовых читателей эти слова звучат бюрократической абракадаброй, а для «посвященных» – это сигнал о начале нового этапа реформы экономики. «Цены единого уровня» – инструмент, позволявший превратить ее из командной в саморегулирующуюся. Озвученные на Пленуме предложения разработала Комиссия Академии наук СССР «По исчислению стоимости в социалистическом хозяйстве» под председательством академика Василия Сергеевича Немчинова. В последующих главах я подробно расскажу его историю, пока же кратко поясню, в чем тут дело.

Все знают, что цены – это сколько мы платим и сколько способны заплатить за все, от хлебного батона до прокатного стана. Но бирка на товаре – отражает результат, а сам процесс ценообразования, из чего и как они формируются, во многом определяет здоровье экономики и способность ее к саморазвитию.

В рыночных условиях цены складываются, балансируются сами собой, в результате торга покупателя с изготовителем, сколько первый готов заплатить за товар, а второй – насколько это предложение ему выгодно. Государство только следит, чтобы из-за сговора компаний и по некоторым другим причинам цены не зашкаливали за естественные пределы.

В советской централизованной экономике, где государству принадлежало все, оно же по своему разумению, в соответствие со своими предпочтениями, устанавливало цены. С конца 1920-х годов главным приоритетом в стране стала индустриализация – создание «тяжелой» промышленности: металлургии, машиностроения и прочего. Средства на индустриализацию, как я уже писал, получали за счет ограбления крестьянства. Грабили его в том числе с помощью «ценовых ножниц», когда машины и все остальное продавали втридорога, а за сельскохозяйственную продукцию платили гроши. Отец последние годы, собственно, занимался возвращением долгов «ограбленным» крестьянам. Но грабили не только их, «ограблению» посредством установления волевых цен на потребительские товары подвергалось и все остальное население. Они нередко устанавливались много выше издержек производства, а полученная сверхприбыль уходила «тяжеловесам». Только с 1929 по 1940 год цены на товары народного потребления повысились в 6,5 раз, тогда как в тяжелой промышленности их рост не превысил 140 процентов. То есть искусственно высокая инфляция в секторе товаров народного потребления позволяла так же искусственно занижать ее в сфере производства средств производства.

В результате за прошедшие десятилетия в ценах сложилась целенаправленная неразбериха, непрозрачность, когда никто не знал, кто кому платит и за что. Отношения хозяйствующих субъектов все больше запутывались, они оказались в обстановке все нарастающего экономического хаоса.

Если в 1930-е годы перекося в сторону тяжелой промышленности еще объяснялся какой-то, пусть и людоедской, логикой, то сейчас, когда индустриализация завершилась, тяжелая и легкая промышленность ставились в равное положение, выстроить прозрачную цепочку производитель-потребитель, когда последний платит за товар столько, сколько он стоит, а первого эта реальная цена стимулирует – заставляет улучшать организацию работ, совершенствовать технологию, снижать затраты, стремиться к получению реальной прибыли, стало жизненно необходимо. Казалось бы, все очень просто, но не в условиях, когда экономические отношения запутаны в клубок. Действуя напролом, можно легко сломать старую систему, но это не значит, что ей на смену сами собой выстроятся более эффективные отношения между предприятиями и целыми отраслями. Требовалось сформулировать критерии оценки работы хозяйствующих субъектов. Задача оказалась не из простых. Недоста-

точно установить единые принципы исчисления цен во всей промышленности без каких-либо послаблений кому-либо. Следовало учитывать не только себестоимость производства продукции, а она сама зависит от уровня технологии и эффективности менеджмента, но и множество других факторов и критериев, в том числе переосмыслить понимание прибыли, которая в новых условиях становилась основной оценкой «здоровья» предприятия.

Вот этим отец поручил заняться Госэкономсовету⁶³ и его новому председателю, заместителю главы правительства Засядько.

Его назначили на этот пост совсем недавно, 22 апреля 1960 года, и Александр Федорович сразу взял быка за рога, осенью 1960 года, во исполнение решений июльского Пленума ЦК, создал под своим председательством Комиссию по определению основ определения принципов исчисления единых для всей промышленности цен, выработки критериев эффективности и рентабельности работы предприятий. Засядько затребовал из ЦСУ только что составленный там впервые в советской истории межотраслевой баланс производства и распределения продукции. Без него невозможно понять, кто кому что поставил и по какой цене. Провели расчеты и получили вполне ожидаемые результаты. От отрасли к отрасли цены разнились в разы. После этого приступили к составлению принципов исчисления цен, как их называли авторы, «единого уровня». Здесь тон задавала упомянутая выше комиссия Немчинова.

Что тут началось! Первым восстал Госплан, его отраслевики, теперь бы сказали, «лоббисты» тяжелой промышленности, которая не желала лишаться ценовых привилегий. Они нажаловались на заместителя председателя Совета Министров Засядько первому заместителю главы правительства – Косыгину. Косыгин их «понял» и поддержал. Дело застопорилось надолго.

Но Засядько не смирился, он в обход Косыгина поручил в 1962 году ЦСУ пересчитать цены производства на основе составленных статистиками в 1960 году межотраслевых балансов продукции с учетом стоимости основных производственных фондов и материальных оборотных средств. Другими словами, сделать так, чтобы всем стало ясно, что, как и почему. ЦСУ задание выполнило, но...

К тому времени отношения Засядько с Косыгиным переросли в настоящую войну. В ней победил Косыгин. 24 ноября 1962 года Госэкономсовет ликвидировали, а следом, 5 сентября 1963 года, умер и сам Засядько. О реформе цен, казалось бы, забыли. Косыгин и косыгинцы надеялись, что навсегда, но неугомонные авторы концепции «цен единого уровня» считали иначе. В самом начале 1964 года Белкин, по совету ответственного сотрудника ЦСУ Малышева, последний сам «высовываться» не решался, нажаловался Хрущеву. Соображения Белкина показались отцу интересными и очень ко времени. Недоумевая, кто и почему им противится, он 3 февраля 1964 года поручил Косыгину вместе с другими своими заместителями Микояном и Устиновым, новым председателем Госплана Петром Фадеевичем Ломако и министром финансов Василием Федоровичем Гарбузовым «разобраться и доложить».

Разобрались, 27–29 мая 1964 года на совещании в Госплане Ломако, недавний министр цветной металлургии, квалифицировал «цены единого уровня» как вредные. Косыгин же, во исполнении поручения, в свою очередь пообещал пригласить к себе «ученых-изобретателей новой системы ценообразования», но, как узнал Белкин, с одной целью – «поблагодарить за инициативу и растолковать нереалистичность их предложений».

Однако встреча не состоялась, в октябре 1964 года надобность в разговоре отпала, Хрущева отрешили от должности, и Косыгину, новому главе правительства, стало некому докладывать об исполнении поручения. Вместо этого члена-корреспондента Академии наук Исаака Семеновича Брука, директора исследовательского института, откуда формально

⁶³ Государственный научно-экономический совет Совета Министров СССР.

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

исходило письмо Белкина Хрущеву, отрешили от должности. Такая вот печальная история.
А ведь тогда, летом 1960 года, казалось, что «еще немного, еще чуть-чуть» и...